

СЕРГЕЙ
Козлов

К в ГУМАН

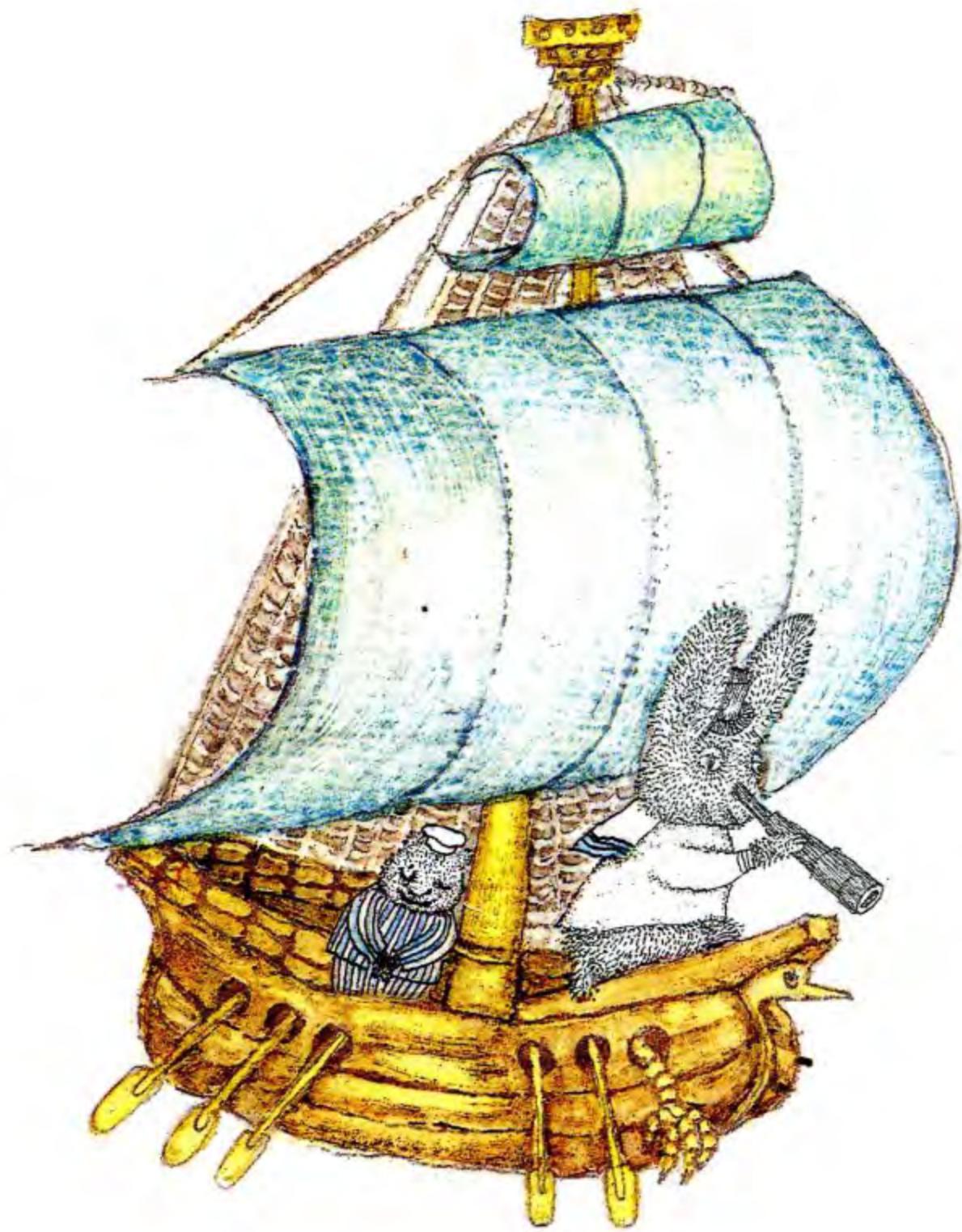

Сергей
Козлов

Ёжик
в
тумане

Художник
Лидия
Шульгина

К 4803010201—426 218—89
М101(03)-89

ISBN 5—08—000510—6

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Сказка «Ежик в тумане».
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981

СЕРГЕЙ
Козлов

С ЖИК
УМАНЕ

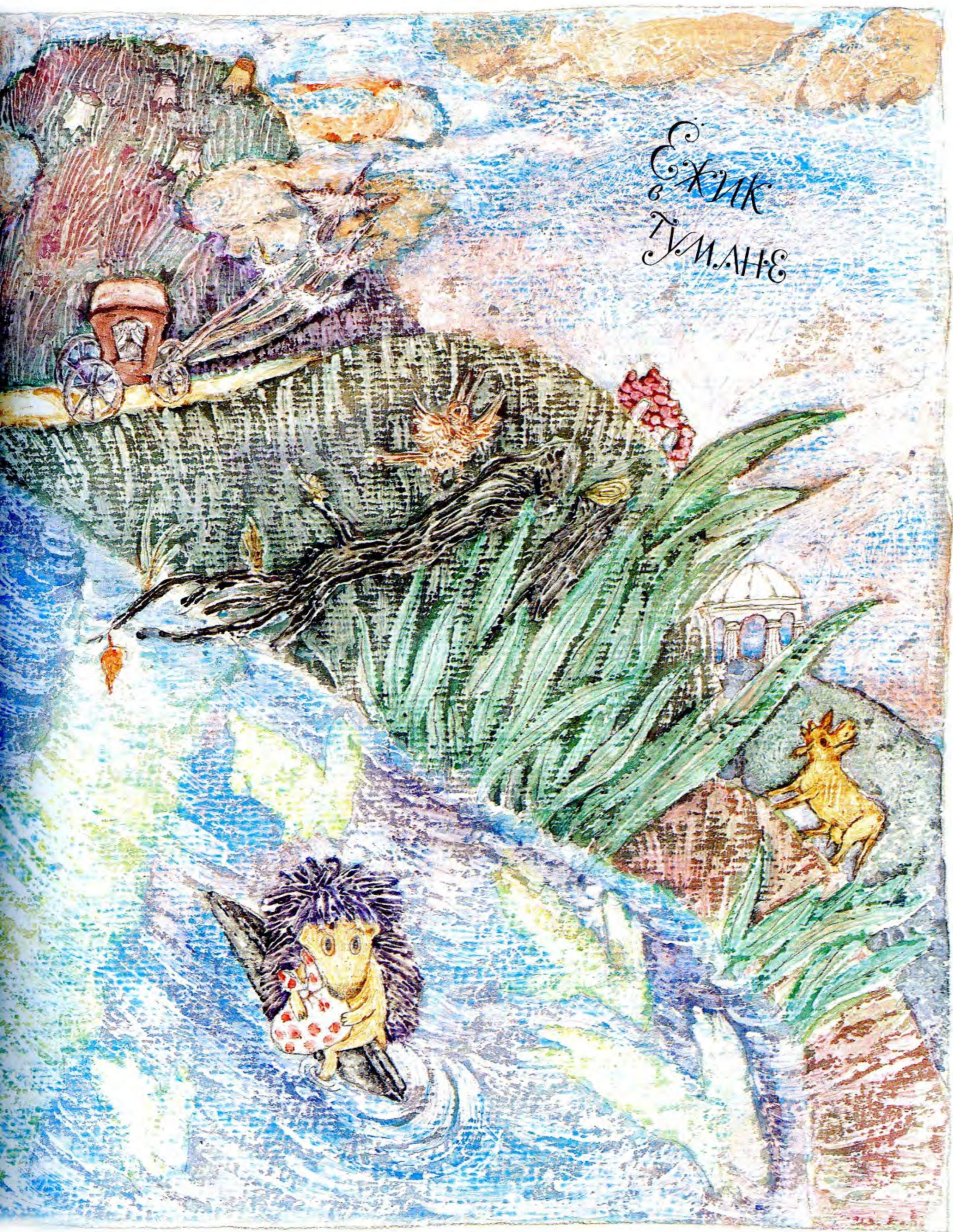

СКАЗКИ

Москва
«Детская литература»
1989

СТИК
ДУМАН

Тридцать комариков выбежали на поляну
и заиграли на своих писклявых скрипках.
Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла
по небу.
«Мм-у!..» — вздохнула корова за рекой.
Залаяла собака, и сорок лунных зайцев
побежали по дорожке.
Над рекой поднялся туман, и грустная
белая лошадь утонула в нём по грудь, и теперь
казалось — большая белая утка плавает
в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него
голову.
Ёжик сидел на горке под сосной
и смотрел на освещённую лунным светом
долину, затопленную туманом.
Красиво было так, что он время от времени
вздрагивал: не снится ли ему всё это?
А комарики не уставали играть на своих
скрипичках, лунные зайцы плясали,
а собака выла.
«Расскажу — не поверят!» — подумал Ёжик
и стал смотреть ещё внимательнее, чтобы
запомнить до последней травинки всю красоту.
«Вот и звезда упала,— заметил он,—
и трава наклонилась влево,
и от ёлки осталась одна вершина, и теперь
она плавает рядом с лошадью... А интересно,—
думал Ёжик,— если лошадь ляжет спать,
она захлебнётся в тумане?»
И он стал медленно спускаться с горы,
чтобы тоже попасть в туман и посмотреть,
как там внутри.
— Вот,— сказал Ёжик.— Ничего не видно.
И даже лапы не видно. Лошадь! — позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

«Где же лошадь?» — подумал Ёжик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко сверху сумрак слабо светился. Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит. Бул-тых!..

«Я в реке!» — сообразил Ёжик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны. Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ёжик даже не знал, где берег.

«Пускай река сама несёт меня!» — решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ёжик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

— Извините, — беззвучно сказал кто-то, — кто вы и как сюда попали?

— Я — Ёжик, — тоже беззвучно ответил Ёжик. — Я упал в реку.

— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.

Ёжик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

— Спасибо! — вслух сказал он.

— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах. «Вот так история... — размышлял Ёжик, отряхиваясь. — Разве кто поверит?!»

И заковылял в тумане.

СЕМЕЙНАЯ ПЕСНЯ
ТРАВЫ

*Звуки
и
голоса*

— В полудрёме, Медвежонок, можно вообразить всё, что хочешь, и всё, что вообразишь, будет как живое. И тогда-то...

— Ну!

— Тогда-то...

— Да говори же!

— И тогда-то... слышны звуки и голоса.

Ёжик глядел на Медвежонка большими круглыми глазами, как будто сию минуту, вот прямо сейчас, догадался о чём-то самом важном.

— И кого ты слышал? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Сегодня?

— Ага.

— Зяблика, — сказал Ёжик.

— А вчера?

— Лягушку.

— А что она сказала?

— Она — пела. — И Ёжик закрыл глаза.

— Ты её и сейчас слышишь?

— Слышу, — сказал Ёжик с закрытыми глазами.

— Давай я тоже закрою глаза. — Медвежонок закрыл глаза и встал поближе к Ёжику, чтобы тоже слышать.

— Слышишь? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

— Ты впади в дрёму.

— Надо лечь, — сказал Медвежонок. И лёг.

— А я — возле тебя.— Ёжик сел рядом.— Ты только представь: она сидит и поёт.

— Представил.

— А вот сейчас... Слышишь? — И Ёжик подирижёрски взмахнул лапой.— Запела!

— Не слышу,— сказал Медвежонок.— Сидит, глаза вытаращила и молчит.

— Поговори с ней,— сказал Ёжик.— Заинтересуй.

— Как?

— Скажи: «Мы с Ёжиком из дальнего леса пришли на ваш концерт».

Медвежонок пошевелил губами.

— Сказал.

— Ну?

— Молчит.

— Погоди,— сказал Ёжик.— Давай ты сядь, а я лягу. Та-ак.— И он забубнил что-то, укладываясь рядом с Медвежонком в траву.

А день разгорался, и высокая стройная осень шаталась соснами и кружилась палым листом. Медвежонок давно открыл глаза и глядел теперь на рыжие деревья, на ветер, который морщил лужу, а Ёжик всё бормотал и пришёптывал, лёжа рядом в траве.

— Послушай, Ёжик,— сказал Медвежонок,— зачем нам эта лягушка, а? Пойдём наберём грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.

— Нет,— не открывая глаз, сказал Ёжик.— Она запоёт.

— Ну и запоёт. Толку-то?

— Эх ты! — сказал Ёжик.— Грибки! Яблочки!..

Если б ты только знал, как это — звуки и голоса!

*Когда ты
прячешь
солнце,
мне грустно*

Над горой туман и розовато-оранжевые отсветы. Весь день лил дождь, потом перестал, выглянуло солнце, зашло за гору, и вот теперь была такая гора. Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу.

А гора всё время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое — вправо, а голубое стало сизо-синим и осталось вверху.

Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь — всё по-другому.
— Открывай скорей, — шепнул Ёжик. — Очень здорово!

Теперь оранжевое растеклось узкой каймой по всей горе, а розовое и голубое пропало.

Туман был там, выше, а сама гора была будто опоясана оранжевой лентой.

Они снова закрыли глаза, и, когда через мгновение открыли, вновь всё изменилось.

Оранжевое вспыхивало кое-где слева и справа, розовое вдруг появилось справа, розово-голубое исчезло, и гора вся стала такой тёмной, торжественной, что от неё просто нельзя было отвести глаз. Ёжик с Медвежонком снова закрыли и открыли глаза: гора была покойной, туманной, с лёгким розоватым отсветом справа, но они не успели снова закрыть глаза, как этот отсвет пропал.

Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонком.

И вдруг, или это Ёжику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил:

— Вам нравится на меня смотреть?

— Да,— сказал Ёжик.

— А кто? Кто говорит? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Я красивая?

— Да,— сказал Ёжик.

— А когда я вам больше нравлюсь — утром или вечером?

Тут и Медвежонок понял, что это говорит гора.

— Мне — утром,— сказал Медвежонок.

— А почему?

— Тогда впереди целый день и...

— А тебе, Ёжик?

— Когда ты прячешь солнце, мне грустно,— сказал Ёжик.— Но я больше люблю смотреть на тебя вечером.

— А почему?

— Когда смотришь вечером, как будто стоишь там, на вершине, и далеко, далеко видно.

— Что же ты видел сегодня, Ёжик? — спросила гора.

— Сегодня так пряталось солнце, а кто-то так не давал ему уйти, что я ни о чём не думал, я только смотрел.

— А я... Мы... То откроем глаза, то закроем.

Мы так играем,— сказал Медвежонок.

Быстро сгущались сумерки.

И когда почти совсем стемнело, иссине-зелёное небо вдруг оторвалось от горы, а вся она стала резко видна, чернея на бледно-голубой полосе, отделяющей её от тёмного неба.

*Разрешите
с вами
посумерничать*

- Заяц просится посумерничать.
 - Пускай сумерничает, — сказал Ёжик и вынес на крыльцо ещё одно плетёное кресло.
 - Можно войти? — спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ёжиком.
 - Входи, — сказал Ёжик.
- Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половничок.
- Три-три! — сказал Медвежонок. — Ёжик любит, чтобы было чисто.
 - Можно сесть? — спросил Заяц.
 - Садись, — сказал Медвежонок.
- И Ёжик с Медвежонком тоже сели.
- А как мы будем сумерничать? — спросил Заяц.
 - Ёжик промолчал.
 - Сиди в сумерках и молчи, — сказал Медвежонок.
 - А разговаривать можно? — спросил Заяц.
- Ёжик опять промолчал.
- Говори, — сказал Медвежонок.
 - Я в первый раз сумерничаю, — сказал Заяц, — поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?
 - Мы не сердимся, — сказал Ёжик.
 - Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...

— И чего? — спросил Медвежонок.

— А ничего. Темно стало, — сказал Заяц. — Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошу, думаю, посумерничать с Ёжиком и Медвежонком. Вдруг пустят?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— А мы уже сумерничаем? — спросил Заяц. Ёжик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Зайца.

— А можно, сумерничая, петь? — спросил Заяц. Ёжик промолчал.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— А что?

Никто ему не ответил.

— А можно весёлое? Давайте я весёлое спою, а то зябко как-то?

— Пой, — сказал Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — завопил Заяц.

И Ёжику сделалось совсем грустно.

Медвежонку было неловко перед Ёжиком, что вот он притащил Зайца и Заяц мелет не разбери чего, а теперь ещё воет песню. Но Медвежонок не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Зайцем.

— Ля-ля-лю-лю! — вопил Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — пел Заяц.

А сумерки сгущались, и Ёжику просто больно было всё это слышать.

— Давайте помолчим, — сказал Ёжик. — Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались.

Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

— А что, — шёпотом спросил Заяц, — теперь делать?

— Шшш! — сказал Медвежонок.

— Это мы сумерничаем? — прошептал Заяц.

Медвежонок кивнул.

— До темноты — молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны.

От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.

*Как
оттенить
тишину*

— Я очень люблю осенние пасмурные дни,— сказал Ёжик.— Солнышко тускло светит и так туманно-туманно...

— Спокойно,— сказал Медвежонок.

— Ага. Будто всё остановилось и стоит.

— Где? — спросил Медвежонок.

— Нет, вообще. Стоит и не двигается.

— Кто?

— Ну, как ты не понимаешь? Никто.

— Никто стоит и не двигается?

— Ага. Никто не двигается.

— А комары? Вон как летают! Пи-и!.. Пи-и!..— И Медвежонок замахал лапами, показал, как летит комар.

— Комары только ещё больше,— тут Ёжик остановился, чтобы подыскать слово,— оттеняют неподвижность,— наконец сказал он.

Медвежонок сел:

— Как это?

Они лежали на травке у обрыва над рекой и грелись на тусклом осеннем солнышке.

За рекой, полыхая осинами, темнел лес.

— Ну вот смотри! — Ёжик встал и побежал.— Видишь?

— Что?

— Как неподвижен лес?

— Нет,— сказал Медвежонок.— Я вижу, как ты бежишь.

- Ты не на меня смотри, на лес! —
И Ёжик побежал снова.— Ну?
- Значит, мне на тебя не смотреть?
- Не смотри.
- Хорошо,— сказал Медвежонок и отвернулся.
- Да зачем ты совсем-то отвернулся?
- Ты же сам сказал, чтобы я на тебя не смотрел.
- Нет, ты смотри, только на меня и на лес одновременно, понял? Я побегу, а он будет стоять. Я оттеню его неподвижность.
- Хорошо,— сказал Медвежонок.— Давай попробуем.— И уставился на Ёжика во все глаза.— Беги!
- Ёжик побежал.
- Быстрее! — сказал Медвежонок.
- Ёжик побежал быстрее.
- Стой! — крикнул Медвежонок.— Давай начнём сначала.
- Почему?
- Да я никак не могу посмотреть на тебя и на лес одновременно: ты так смешно бежишь, Ёжик!
- А ты смотри на меня и на лес, понимаешь? Я — бегу, лес — стоит. Я оттеняю его неподвижность.
- А ты не можешь бежать большими прыжками?
- Зачем?
- Попробуй.
- Что я — кенгуру?
- Да нет, но ты — ножками, ножками, и я не могу оторваться.
- Это не важно, как я бегу, понял?
- Важно то, что я бегу, а он — стоит.
- Хорошо,— сказал Медвежонок.— Беги!
- Ёжик побежал снова.
- Ну?

— Такими маленькими шажками не оттенишь,—
сказал Медвежонок.— Тут надо прыгать вот так! —
И он прыгнул, как настоящий кенгуру.

— Стой! — крикнул Ёжик.— Слушай!

Медвежонок замер.

— Слышишь, как тихо?

— Слышу.

— А если я крикну, то я криком оттеню
тишину.

— А-а-а!.. — закричал Медвежонок.

— Теперь понял?

— Ага! Надо кричать и кувыркаться!

А-а-а! — снова завопил Медвежонок
и перекувырнулся через голову.

— Нет! — крикнул Ёжик.— Надо бежать
и подпрыгивать. Вот! — И заскакал по поляне.

— Нет! — крикнул Медвежонок.— Надо бежать,
падать, вскакивать и лететь.

— Как это? — Ёжик остановился.

— А вот так! — И Медвежонок сиганул с обрыва.

— И я! — крикнул Ёжик и покатился с обрыва
вслед за Медвежонком.

— Ля-ля-ля! — завопил Медвежонок,
вскарабкиваясь обратно.

— У-лю-лю! — по-птичьему заверещал Ёжик.

— Ай-яй-яй! — во всё горло закричал Медвежонок
и прыгнул с обрыва снова.

Так до самого вечера они бегали, прыгали,
сигали с обрыва и орали во всё горло, оттеняя
неподвижность и тишину осеннего леса.

В сумерках

— Ты думаешь, мы добежим к тебе до темноты? — спросил Ёжик.

— Должны.

— Тогда беги быстрее!

— Я бегу, — сказал Медвежонок.

Они бежали по огромному полю в последних лучах заката.

— Ты заметил, что земля выпуклая? — на бегу спросил Ёжик.

— Ага.

— Заметил, что в последних лучах солнца она красивей всего?

— Угу, не отставай, Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Я не отстаю... Мне хочется... с тобой...

— Вот прибежим, сядем... тогда...

— Ты думаешь, — крикнул Ёжик, он уже отстал шагов на двадцать, — мы правильно... бежим?

— Как? — Медвежонок остановился.

— Я говорю... туда бежим или нет?.. — подбежал Ёжик.

— Конечно! Садись ко мне на спину! Будем бежать и разговаривать.

— Так мы ещё никогда не бегали.

— Попробуем, а?

— Давай!

Ёжик забрался Медвежонку на плечи, Медвежонок побежал.

— Здорово ты бежишь! — сказал Ёжик.

- Ага.
— Вот не знал, что на тебе так здорово ехать!
— Ага.
— Что ты всё «ага да ага»?
— Мне... трудно... говорить... — сказал Медвежонок.
— Садись на меня.
— Да ты что?
— Нет-нет, давай я тебя повезу.
— Ты колючий.
— А мы что-нибудь подстелим.
— Сиди, — сказал Медвежонок. — Говори что-нибудь... Скоро приедем.
— Что говорить?
— Пой!
— Петь?
— Ага.
— А что?
— Погоди!

Медвежонок с Ёжиком вбежал в кустарник, и ветки так и захлопали по глазам.

- Береги глаза! — крикнул Медвежонок.
— Я берегу. А здорово мы перепрыгнули ручей.
— Ага.
— А если б упали?
— Держись! — крикнул Медвежонок и покатился в овраг. — Уф-ф!.. Живой? Ты где, Ёжик?
— Здесь я.
— Где?

В овраге было уже совсем темно, и Медвежонок еле различил Ёжика под кривой сосной.

- Здесь я, — сказал Ёжик, вставая.
— Ну, садись!
— Нет, — сказал Ёжик. — Давай скорей выберемся наверх, там сяду.

Они выкарабкались из оврага. Ёжик снова забрался Медвежонку на плечи, и Медвежонок побежал.

— Никогда не думал, что так здорово ехать в сумерки,— сказал Ёжик.— Так тихо, а я прямо лечу... Ты можешь не пыхтеть?

— Могу,— сказал Медвежонок. И побежал, не дыша.

— Дыши,— сказал Ёжик,— а то лопнешь.

Медвежонок опять запыхтел. А Ёжик глядел по сторонам, видел маленькую звёздочку вдали и думал, что земля ещё никогда не была такой красивой, как в эти осенние сумерки.

— Стой! — крикнул Ёжик.

Медвежонок остановился.

— Садись на меня.— Ёжик спрыгнул на землю.— Садись, говорю!

— Брось ты,— сказал Медвежонок.

— Нет садись! Ты должен увидеть, какая она красивая, земля.

Медвежонок взгромоздился на Ёжика, но вдруг захочотал, запрыгал.

— Ой, щекотно! Колется! — вопил Медвежонок.

— Ничего-ничего! Гляди! Ты только гляди! — кричал Ёжик.

В родном лесу

Заяц утром как вышел из дома, так и потерялся в необъятной красоте осеннего леса.

«Давно уже пора снегу пасть,— думал Заяц.— А лес стоит тёплый и живой».

Встретилась Зайцу Лесная Мышь.

— Гуляешь? — сказал Заяц.

— Дышу,— сказала Мышка.— Надышаться не могу.

— Может, зима про нас забыла? — спросил Заяц.— Ко всем пришла, а в лес не заглянула.

— Наверно,— сказала Мышка и пошевелила усиками.

— Я вот как думаю,— сказал Заяц.—

Если её до сих пор нет, значит, уже не заглянет.

— Что ты! — сказала Мышка.— Так не бывает!

Не было ещё такого, чтобы зима прошла стороной.

— А если не придёт?

— Что говорить об этом, Заяц? Бегай, дыши, прыгай, пока лапы прыгают, и ни о чём не думай.

— Я так не умею,— сказал Заяц.— Я всё должен знать наперёд.

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Зайцы не состариваются,— сказал Заяц.— Зайцы умирают молодыми.

— Это почему же?

— Мы бежим, понимаешь? А движение — это жизнь.

— Хи-хи! — сказала Мышка. — Ещё каким стареньким будешь.

Они вместе шли по тропинке и не могли налюбоваться на свой лес.

Он был весь сквозящий, мягкий, родной.

И оттого, что в нём было так хорошо, на душе у Зайца и Мышки сделалось грустно.

— Ты не грусти, — сказал Заяц.

— Я не грущу.

— Грустишь, я вижу.

— Да вовсе не грущу, просто печально.

— Это пройдёт, — сказал Заяц. — Насыплет снега, надо будет путать следы. С утра до вечера бегай и запутывай.

— А зачем?

— Глупая ты. Съедят.

— А ты бегай задом наперёд, — сказала Мышка. — Вот так! — И побежала по дорожке спиной вперёд, мордочкой к Зайцу.

— Здоро́во! — крикнул Заяц. И помчался следом.

— Видишь? — сказала Мышка. — Теперь никто не поймёт, кто ты.

— А я... А я... Я знаешь тебя чему научу?

Я тебя научу есть кору, хочешь?

— Я кору не ем, — сказала Мышка.

— Тогда... Тогда... Давай я тебя научу бегать!

— Не надо, — сказала Мышка.

— Да чем же мне тебе отплатить?

— А ничем, — сказала Лесная Мышь. — Было бы хорошо, если бы тебе помог мой совет.

— Спасибо тебе! — сказал Заяц. И побежал от Мышки задом наперёд, улыбаясь и шевеля усами. «Здоро́во! — думал Заяц. — Теперь меня никто не поймает. Надо только хорошенъко натренироваться, пока не высыпал снег».

Он бежал задом наперёд через любимый свой лес, спускался в овраги, взбирался на холмы, «получается!» — вопил про себя Заяц и чуть не плакал от радости, что теперь уже никто никогда не отыщет его в родном лесу.

Сосновая Шишка

Светлый вечер в осеннем лесу.
Затрещала и смолкла неизвестная птица.
Заяц выбежал к ручью, сел и стал слушать,
как журчит вода.
— Вода, вода, куда ты бежишь? — спросил Заяц.
— С камушка на камушек по камушкам бегу!
«По камушкам. Хорошо ей! — подумал Заяц.—
Вот бы мне так!»
Пришёл Муравей.
— Ты что бродишь? — спросил Заяц.—
Скоро зима, а ты по лесу шатаешься?
— Надо, — сказал Муравей.
Зачерпнул ведёрком воды и пошёл.
— Стой! Давай поговорим, — сказал Заяц.
Муравей остановился:
— О чём?
— О чём хочешь.
— Некогда мне разговаривать, — сказал Муравей.—
Воду надо нести.— И ушёл.
— Вот жизнь! — вздохнул Заяц.— Муравьи по
воду ходить стали, поговорить не с кем. Раньше
хоть какой-никакой гриб попадётся, с ним
потолкуешь. А теперь и грибы куда-то попрятались.
— А ты со мной поговори, — сказала Сосновая
Шишка. Она лежала рядышком у ручья.—
Я — старая, много всего видела.
— Что же ты видела? — спросил Заяц.
— Небо, — сказала Шишка.

— Кто ж его не видел? Вот оно!

— Не-ет, я там была, высоко, — вздохнула Шишка. — Меня ветер любил. Прилетит, бывало: «Здравствуй, Шишка!» — «Здравствуй, говорю, где пропадал?» — «К морю летал, корабли двигал». Во как! А ты чего скучный такой?

— Не знаю, — сказал Заяц.

— Эх, жизнь была! Утром проснёшься — весь лес в тени, а у нас уже солнышко! Солнышко пригреет, ветер прилетит — шумим-веселимся!.. А ночью — звёзды. Так в глаза и глядят. Я любила одну. Зелёная такая, ласковая. Только покажется, а уж ветерок мой тут как тут. «Полетим, говорит, к звезде, Шишка!» — «Так далеко же!» — «Это нам нипочём!» Возьмёт в объятья и понесёт.

— Хорошо говоришь, бабушка, — вздохнул Заяц.

— Жили хорошо, Заяц. А что слова? Сам-то чего скучный, молодой вить?

— А где ж он теперь, Ветер?

— Летает. Ветер, он всегда молодой. А я, вишь, старая, упала. Кому нужна?

— Грустно тебе, бабушка?

— Не-е, Заяц. Лежу, на небо гляжу, водичку слушаю; звёздочку зелёную увижу — Ветер вспоминаю.

*Осенняя
песня
травы*

Холодно, тихо стало в лесу. Заяц прислушался — ни звука.

Лишь осинка на том берегу дрожала последним листом.

Заяц спустился к реке.

Река медленно уводила за поворот тяжёлую, тёмную воду.

Заяц встал столбиком и пошевелил ушами.

— Холодно? — спросила у него Травинка.

— Бр-р-р! — сказал Заяц.

— Мне тоже, — сказала Травинка.

— И мне! И мне!

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это мы — трава.

Заяц лёг.

— Ой, как тепло! Как тепло! Как тепло!

— Погрей нас! И нас! И нас!

Заяц стал прыгать и ложиться. Прыгнет — и прильнёт к земле.

— Эй, Заяц! — крикнул с холма Медвежонок. — Ты что это делаешь?

— Грею траву, — сказал Заяц.

— Не слышу!

— Грею траву! — крикнул Заяц. — Иди сюда, будем греть вместе!

Медвежонок спустился с холма.

— Согрей нас! Согрей! Согрей! — кричали травинки.

— Видишь? — сказал Заяц. — Им холодно! — Снова прыгнул и лёг.

— К нам! К нам!

— Сюда! Сюда! — кричали со всех сторон.

— Что ж ты стоишь? — сказал Заяц. — Ложись! И Медвежонок лёг.

— Как тепло! Ух, как тепло!

— И меня погрей, Медвежонок!

— И нас! И нас!

Заяц прыгал и ложился. А Медвежонок стал потихоньку перекатываться: со спины — на бок, с бока — на живот.

— Согрей! Согрей! Нам холодно! — кричала трава.

Медвежонок катался, Заяц прыгал, и скоро согрелся весь луг.

— Хотите, мы споём вам осеннюю песню травы? — спросила первая травинка.

— Пойте, — сказал Заяц.

И трава стала петь, Медвежонок кататься, а Заяц — прыгать.

— Эй! Что вы там делаете? — крикнул с холма Ёжик.

— Греем траву! — крикнул Заяц.

— Что?

— Греем траву! — крикнул Медвежонок.

— Вы простудитесь! — закричал Ёжик.

А травинки поднялись во весь рост и запели громкими голосами.

Пел весь луг над рекой.

И последний лист, что трепетал на том берегу, стал подтягивать.

И сосновые иголки, и еловые шишки, и даже паутина, забытая пауком,— все распрямились, заулыбались и затянули изо всех сил последнюю осеннюю песню травы.

Радуга

Медвежонок прижался спиной к печке. Ему было тепло-тепло и не хотелось шевелиться.

За окном свистел ветер, шумели деревья, барабанил по стеклу дождь, а Медвежонок сидел с закрытыми глазами и думал о лете.

Сначала Медвежонок думал обо всём сразу, и это «всё сразу» было для него солнышко и тепло. Но потом под ярким летним солнышком, в тепле, Медвежонок увидел Муравья.

Муравей сидел на пеньке, выпучив чёрные глаза, и что-то говорил, говорил, но Медвежонок не слышал.

— Да слышишь ты меня? — наконец прорвался к Медвежонку Муравьиный голос.— Работать надо каждый день, каждый день, каждый день!

Медвежонок помотал головой, но Муравей не пропадал, а кричал ещё громче.

— Лень, вот что тебя погубит!

«Чего он ко мне пристал? — подумал Медвежонок.— Я и не помню такого Муравья вовсе».

— Совсем обленились! — кричал Муравей.— Чем вы занимаетесь изо дня в день? Отвечай!

— Гуляем,— вслух сказал Медвежонок у печки.— Так лето же.

— Лето! — взвился Муравей.— А кто работать будет?

— Мы и работаем.

— Что же вы сделали?

— Мало ли,— сказал Медвежонок. И ещё тесней прижался к печному боку.

— Нет, ты мне говори — что?

— Скворечник.

— Ещё?

— Камелёк сложили.

— Где?

— У реки.

— Зачем?

— По вечерам сидеть. Огонь разведёшь — и сиди. И Медвежонку представилось, как они с Ёжиком сидят ночью под звёздами у реки, варят чай в чайнике, слушают, как плещется рыба в воде, и чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звёзды падают прямо в траву и, большие, тёплые, шевелятся у ног. И так Медвежонку захотелось в ту летнюю ночь, так захотелось полежать в мягкой траве, глядя в небо, что Медвежонок сказал Муравью:

— Иди сюда, садись у печки, а я пойду туда, в лето.

— А соломинку ты за меня понесёшь? — спросил Муравей.

— Я,— сказал Медвежонок.

— А шесть сосновых иголок?

— Я,— сказал Медвежонок.

— А две шишки и четыре птичьих пера?

— Всё отнесу,— сказал Медвежонок.— Только иди сюда, сядь к печке, а?

— Нет, ты погоди,— сказал Муравей.— Трудиться — обязанность каждого.— Он поднял лапку.— Каждый день...

— Стой! — крикнул Медвежонок.— Слушай мою команду: к печке бегом, марш!

И Муравей выбежал из лета и сел к печке, а Медвежонок еле-еле протиснулся на его место.

Теперь Медвежонок сидел на пеньке летом,
а Муравей поздней осенью у печки в Медвежьем дому.

— Ты посиди, — сказал Медвежонок Муравью, —
а придёт Ёжик, напои его чаем.

И Медвежонок побежал по мягкой тёплой траве,
и забежал в реку, и стал брызгаться водой, и, если
поглядеть прищурившись, в брызгах возникала
каждый раз настоящая радуга, и каждый раз
Медвежонку не верилось, и каждый раз Медвежонок
видел её снова.

— Эй! — крикнул Муравей в лето. — А кто обещал
работать?

— Погоди! — сказал Медвежонок. — И снова стал,
щурясь, брызгаться и ловить сквозь ресницы радугу.

— Обязанность каждого — трудиться, — говорил
Муравей, прижаввшись к горячей печке. — Каждый
день...

«Заладил, — подумал Медвежонок. — Ну как он
не понимает, что это — лето, что оно — короткое,
что оно вот-вот кончится и что каждый раз у меня
в лапах сверкает радуга».

— Муравей! — крикнул из своего лета
Медвежонок. — Не бубни! Разве я не работаю?
Разве я отдыхаю?

И он снова ударил по воде лапой, прищурился
и увидел радугу.

Ёжикина гора

Давно уже Ёжик не видел такого большого неба. Давно уже не было такого, чтобы он вот так останавливался и замирал. И если кто у него спрашивал, зачем он останавливается, отчего замирает, Ёжик всё равно бы ни за что не смог ответить.

— Ты куда глядишь, Ёжик? — спросила Белка.
— А, — сказал Ёжик. И махнул лапой.
— Ты что там увидел? — спросил Муравей.
— Молчит, — сказала Белка.
— Задумался, — проворчал Муравей и побежал по своим делам.

А Ёжику вдруг показалось, что он впервые увидел этот лес, этот холм, эту поляну. Что никогда-никогда до этого ничего подобного он не видал.

«Как же так? — думал Ёжик. — Ведь я столько раз бежал по этой тропинке, столько раз стоял на этом холме».

И деревья были такие необыкновенные — лёгкие, сквозящие, будто сиреневые, и полны такой внутренней тишиной и покоем, что Ёжик не узнавал знакомые с детства места.

— Что же это? — бормотал Ёжик. — Почему же я раньше не видел всего?

И птицы, те немногие птицы, что остались в лесу, казались теперь Ёжику необыкновенными. «Это не Ворона, это какой-то Орёл кружит над

лесом, — думал Ёжик. — Никогда не видел такой огромной птицы».

— Всё стоишь? — спросил Муравей. — Я уже вон какую соломину оттащил, а он всё стоит.

— Не мешай ему, — сказала Белка. — Он думает.

— Думает, думает, — проворчал Муравей. — Что бы стало в лесу, если б все думали.

— Подумает, и всё, — сказала Белка. — Не мешай.

— Все вы бездельники, — сказал Муравей. — Все вы друг за дружку горой. — И убежал.

А Ёжик про себя поблагодарил Белку, потому что он слышал разговор где-то далеко-далеко, будто говорили на облаках, а он — на дне моря.

«Какая она добрая, — подумал о Белке Ёжик. — Почему я раньше никогда её не встречал?»
Пришёл Медвежонок.

— Ну что? — сказал он. — Что делать будем? Ёжик смотрел на лес, на холм, на Ворону, кружашую за рекой, и вдруг понял, что ему так не хочется отвечать, так не хочется спускаться со своей горы... И он стал благодарно думать о том, по чьей доброте на этой горе оказался.

Птица

Всё лето Заяц плёл верёвку, и к осени она у него стала длиной до неба.

«Приделаю крючок, — думал Заяц, — заброшу на звезду и...»

Прибежала Белка:

— Ты что делаешь, Заяц?

— Верёвку сплёл, — сказал Заяц.

— А зачем?

— Залезу на небо, — сказал Заяц. — Хочешь, тебя возьму с собой?

— Возьми, — сказала Белка.

Ночью высыпали звёзды.

Заяц забросил крючок на самую большую звезду, и верёвка тонкой паутинкой протянулась от земли до неба.

— Лезь, — сказал Заяц.

— А ты?

— Я за тобой.

И Белка побежала на небо.

Заяц полез следом, но он не умел лазать по верёвке, и поэтому сильно отстал.

— Ты где? Лезь скорее! — кричала Белка из темноты.

А Заяц лез и лез и уже стал уставать.

— Где же ты? — торопила Белка.

Она давно забралась на звезду и ждала Зайца.

А Заяц раскачивался посерёдке, между небом и землёй, и у него не было больше сил ни лезть вверх, ни спуститься на землю.

- Ну что ты там? — спросила из темноты Белка.
- Сил нет. Не могу, — сказал Заяц.
- Ты — как по веточке, как по веточке, — сказала Белка.

Заяц раскачивался во тьме, уши его трепал ночной ветерок, он видел далеко внизу родной лес, а вверху — большую звезду и понимал, что сейчас разожмёт лапы и упадёт.

«Всё лето плёл верёвку, — горестно думал Заяц, — и вот...»

— Эй! — вдруг услышал он знакомый голос с земли. — Кто там висит?

И другой знакомый голос ответил:

— Далеко. Не видно.

— Как ты думаешь, Ёжик, кто там может быть?

— Птица, — сказал Ёжик.

— Какая же птица висит посреди неба?

«Редкая», — хотел сказать Заяц. Но промолчал.

— Это Заяц! — крикнула со звезды Белка. — Полез на небо и вот застрял.

— Медвежонок, его надо спасать!

— Спасите меня, — тихо сказал Заяц.

— С каких это пор Зайцы стали лазать по небу? — проворчал Медвежонок и дёрнул за верёвку.

— Ой, — тихо сказал Заяц.

— Как будем спасать? — спросил Ёжик.

— Сейчас, — сказал Медвежонок. И убежал.

— Заяц! — крикнул Ёжик. — Это ты?

— Я, — тихо сказал Заяц.

— Не слышу!

— Я, — погромче сказал Заяц, потому что, если бы он крикнул совсем громко, он бы упал.

— Это он, он! — крикнула со звезды Белка.

— Держись, Заяц! — крикнул Ёжик. — Медвежонок что-то придумал!

И тут вернулся Медвежонок с простынёй.

— Держи, — сказал он. И дал два конца Ёжику. —

Заяц! — закричал в темноту Медвежонок. —

Прямо под тобой мы растянули простыню, слышишь?

Прыгай!

— Я боюсь, — сказал Заяц.

— Он боится! — крикнула Белка. Ей со звезды было слышнее.

— Прыгай, кому говорят! — ещё громче крикнул Медвежонок, и, откинувшись назад, они с Ёжиком, как могли, растянули простыню. — Ну!

— Прыгай! — крикнула Белка.

Заяц разжал лапы и полетел, полетел, полетел, только чёрный ночной ветер засвистал между ушами.

«Где ж простыня? Где же земля?» — думал Заяц и не знал, что он, как большая птица с широкими крыльями, летит над землёй и уже не может упасть.

Красота

Когда все забились по своим норкам и стали ждать зимы, неожиданно прилетел тёплый ветер. Он обнял своими широкими крыльями весь лес, и всё ожило — запело, застrekотало, зазвенело.

Вылезли греться на солнышке паучки, проснулись задремавшие лягушки, Заяц сел посреди поляны на пенёк и поднял уши. А Ёжик с Медвежонком просто не знали, что им делать.

- Пойдём искупаемся в реке, — сказал Медвежонок.
- Вода ледяная.
- Пойдём наберём золотых листьев!
- Листья-то облетели.
- Пойдём наберём тебе грибков!
- Какие грибы? — сказал Ёжик. — Откуда?
- Тогда... Тогда... Айда ляжем — будем лежать на солнышке!
- Земля холодная.
- Вода ледяная, земля холодная, грибов нет, листья облетели, а зачем — тепло?
- То-то и оно! — сказал Ёжик.
- То-то и оно! — передразнил Медвежонок. — А что же делать-то?
- Пойдём напилим тебе дров!
- Нет, — сказал Медвежонок. — Дрова пилить хорошо зимой. Вжик-вжик! — и золотые опилки в снег! Небо синее, солнце, мороз. Вжик-вжик! — хорошо!
- Пойдём! Попилим!

— Что ты! А зимой? Бац! — и пар изо рта. Бац! Колешь, поёшь, а сам дымишься. Это такая радость — в звонкий солнечный день колоть дрова!

— Тогда не знаю, — сказал Ёжик. — Думай сам.

— Пойдём наберём веточек, — сказал Медвежонок. — Голых ветвей. А на некоторых — один или два листика. Знаешь, как красиво!

— А что с ними делать?

— Поставим в доме. Только немногого, понимаешь? — сказал Медвежонок. — Если много — будут просто кусты, а если чуть-чуть...

— Пойдём, — согласился Ёжик.

И они пошли, наломали красивых веток и с ветками в лапах направились к дому Медвежонка.

— Эй! Зачем это вам веники? — крикнул Заяц.

— Это не веники, — сказал Ёжик. — Это — красота! Разве не видишь?

— Красота! Вон её сколько, этой красоты! — сказал Заяц. — Красота — это когда мало. А здесь — вон сколько!

— Это здесь, — сказал Медвежонок. — А у нас зимой дома будет красота.

— И вы эти веники потащите домой?

— Ну да, — сказал Ёжик. — И ты себе тоже набери, Заяц.

— Да что я, сдвинулся? — удивился Заяц. — Живу в лесу и голые ветки...

— Да ты пойми, — сказал Медвежонок, — возьмёшь две-три веточки и поставишь дома в кувшин.

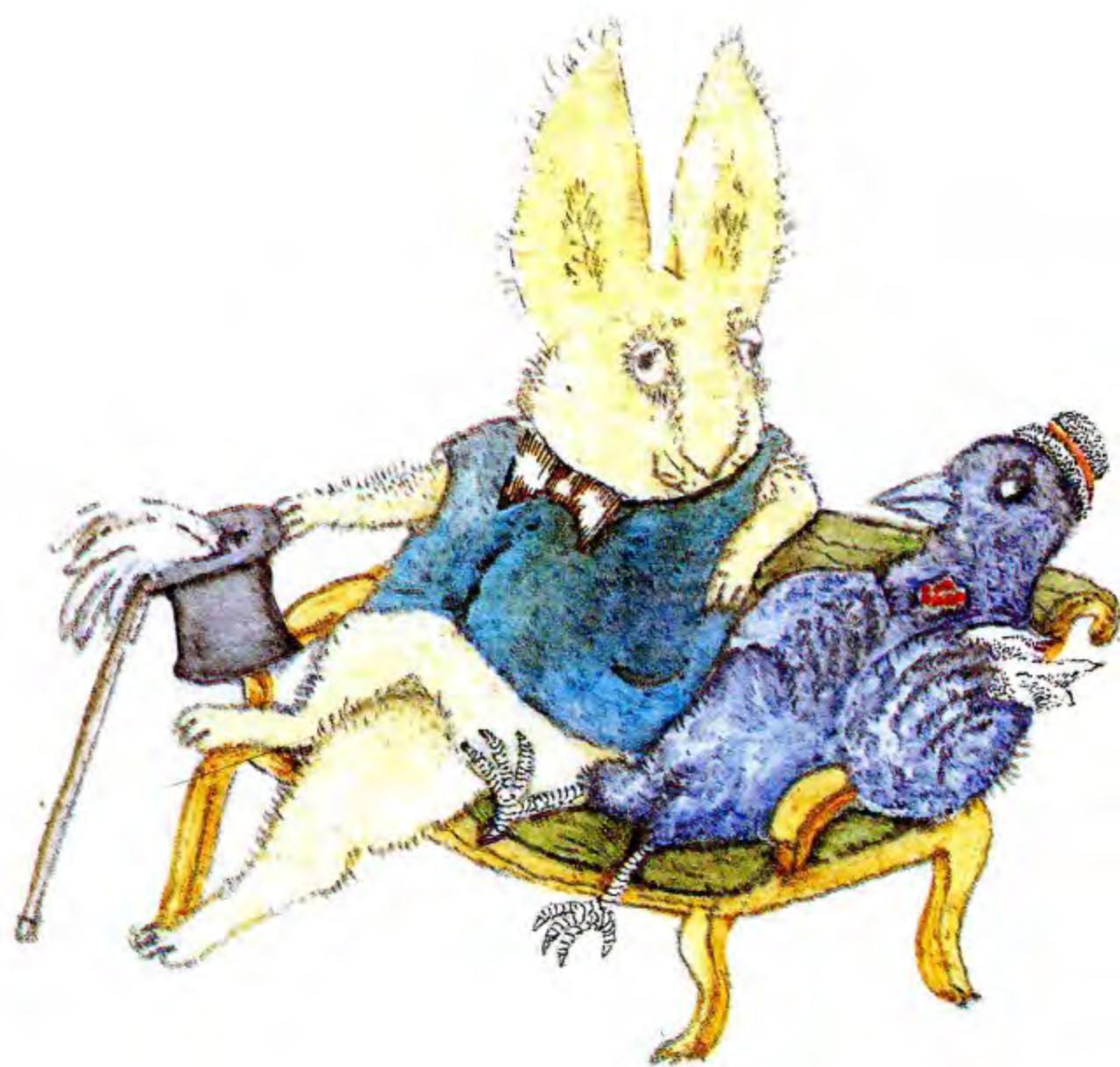
— Лучше рябину, — сказал Заяц.

— Рябину — само собой. А ветки — очень красиво!

— А куда вы их поставите? — спросил Заяц у Ёжика.

— На окно, — сказал Ёжик. — Они будут стоять прямо у зимнего неба.

— А ты? — спросил Заяц у Медвежонка.
— И я на окно. Кто ни придёт — обрадуется.
— Ну вот, — сказал Заяц. — Значит, права
Ворона. Она ещё утром сказала: «Если осенью в лес
приходит тепло, многие шалеют». Вы ошалели, да?
Ёжик с Медвежонком посмотрели друг на друга,
потом на Зайца, а потом Медвежонок сказал:
— Глупый ты, Заяц. И твоя Ворона — глупая. Разве
это ошалеть — из трёх веточек сделать для
всех красоту?

Лёгким
тихим
утром посреду
зимы

Последнее солнце

Уже и морозы ночами леденили лужи, уже и все птицы улетели на юг, а солнце всё не кончалось. Каждое утро Ёжик просыпался и, отдёрнув занавеску, со страхом глядел, не нагнало ли туч, не спряталось ли навсегда солнце.

Но солнце не кончалось.

— Ну ещё день, ну ещё! — шептал Ёжик. И солнце будто слышало, как его просят, и являлось вновь.

— Не уходи, Солнце, не пропадай! — ложась спать, шептал Ёжик. — Я так тебя люблю!

— Ты просишь солнышко не пропадать? — как-то спросил он Медвежонка.

— А как же! — сказал Медвежонок. — Я перед сном обязательно говорю: «Пожалуйста, приди!»

— Правильно, — сказал Ёжик. — Потому оно и не пропадает.

Но однажды утром Ёжик выглянул из окна и увидел, что солнца нет.

Он выбежал на крыльцо:

— Солнце, где же ты?

Хмурые тучи ползли над лесом. Серые мохнатые тучи закрыли небо.

— Тучи! — крикнул Ёжик. — Ну что вы столпились? Зачем вы здесь?

Тучи молча плыли, задевая верхушки деревьев.

— Ветер! — позвал Ёжик. — Ветер!..

Ветер летал где-то высоко и не слышал его.

— Медвежонок! — крикнул Ёжик.
Но Медвежонок был далеко за горой и тоже
не услышал Ёжика.
«Осень. Не каждый же день светить солнцу. Но
почему мне именно сегодня так тяжело?» — думал
Ёжик.

— Почему мне сегодня так тяжело? — спросил
он у Медвежонка, когда тот наконец пришёл из-за
горы.

— Потому что ты боишься, что солнце никогда
уже не придёт, до весны, — сказал Медвежонок.
Но тут тучи разорвало, блеснул луч солнца,
и Ёжик с Медвежонком так обрадовались, как не
радовались никогда в жизни.

Вольный осенний ветер

Ни свет ни заря к Ёжику с Медвежонком прибежал Заяц.

- Эй! — закричал он.— Эгей! Эге-ге-гей!
- Ну что? Говори,— сказал Медвежонок.
- Эге-ге-гэ-гэ! — вопил Заяц.
- Да говори же! — Ёжик начал сердиться.
- Эге-ге-гэ-гэ! Ге-гэй! Ге-гэй! — И Заяц убежал.
- Чего это он?
- Не знаю,— сказал Медвежонок.

А Заяц птицей летел по лесу и вопил истошным заячьим голосом.

- Что с ним? — спросила Белка.
 - Понять не могу,— сказал Муравей.
- А Заяц сделал полный круг и снова выбежал на медвежью поляну.
- Скажешь или нет? — крикнул Медвежонок.
 - Заяц вдруг остановился, замер, встал на задние лапы и...
 - Ну же! — крикнул Ёжик.
 - Ха-ха-ха-ха! — расхохотался Заяц и понёсся со всех ног прочь.

- Может, он с ума сошёл, с ума сошёл, с ума сошёл? — тараторила Сорока.
- Да нет, он в своём уме, в своём уме, в своём уме! — долбил Дятел.

И только Заяц ни у кого ничего не спрашивал, никому ничего не говорил, а вольный, как ветер, летел по лесу.

— Знаешь, — сказал Медвежонок. — Мне кажется, он вообразил себя... ветром. Он мне как-то сказал: «Представляешь, Медвежонок, если я стану ветром?» — Это здорово, — сказал Ёжик. — Только Заяц никогда до такого не додумается. И ошибся.

Потому что Заяц в этот лёгкий солнечный день действительно с утра почувствовал себя вольным осенним ветром, летящим по полям и лесам.

*Мы будем
приходить
и
дышать*

Вот уже несколько дней не было солнца.
Лес стоял пустой, тихий. Даже вороны не летали,—
вот какой был пустой лес.

— Ну всё, готовься к зиме,— сказал Медвежонок.
— А где птицы? — спросил Ёжик.
— Готовятся. Утепляют гнёзда.
— А Белка где?
— Дупло сухим мохом выкладывает.
— А Заяц?
— Сидит в норе, дышит. Хочет надышаться на всю зиму.
— Вот глупый,— улыбнулся Ёжик.
— Я ему сказал: перед зимой не надышись.
— А он?
— Надышу, говорит. Буду дышать и дышать.
— Айда к нему, может, чем поможем.

И они отправились к Зайцу.

Заячья нора была в третьей стороне от горы.

С одной стороны — дом Ёжика, с другой —
дом Медвежонка, а с третьей — нора Зайца.

— Вот,— сказал Медвежонок.— Здесь.
Эй, Заяц! — крикнул он.
— А,— глухо донеслось из норы.
— Ты что там делаешь? — спросил Ёжик.
— Дышу.
— Много надышал?
— Нет ещё. Половиночку.
— Хочешь, мы подышим сверху? — спросил
Медвежонок.

— Не получится,— донеслось из норы.—
У меня — дверь.

— А ты сделай щёлочку,— сказал Ёжик.

— Приоткрой чуть-чуть, а мы будем дышать,—
сказал Медвежонок.

— Бу-бу-бу,— донеслось из норы.

— Что?

— Сейчас,— сказал Заяц.— Ну, дышите!

Ёжик с Медвежонком легли голова к голове
и стали дышать.

— Ха!.. Ха!.. — дышал Ёжик.

— Ха-а!.. Ха-а!.. — дышал Медвежонок.

— Ну как? — крикнул Ёжик.

— Теплеет,— сказал Заяц.— Дышите.

— А теперь? — через минуту спросил Медвежонок.

— Дышать нечем,— сказал Заяц.

— Выходи к нам! — крикнул Ёжик.

— Дверь закрой и вылезай!

Заяц хлопнул дверью и вылез наружу.

— Ну как?

— Как в бане,— сказал Заяц.

— Вот видишь, втрём-то лучше,— сказал
Медвежонок.

— Мы теперь всю зиму будем к тебе приходить
и дышать,— сказал Ёжик.

— А будешь замерзать, приходи ко мне,—
сказал Медвежонок.

— Или ко мне,— сказал Ёжик.

— Спасибо,— сказал Заяц.— Я обязательно
приду. Только вы ко мне не ходите, ладно?

— Да почему?..

— Следы,— сказал Заяц.— Натопчете, и тогда
кто-нибудь меня обязательно съест.

Лисичка

Это был необыкновенный осенний день! Было столько синевы, столько огненных листьев, столько солнца, что к вечеру Медвежонок заплакал.

— Ты чего это? — спросил Ёжик.

— Не знаю, — сказал Медвежонок. —

Плакать хочется.

— Да ты посмотри...

— Я видел, — сказал Медвежонок. — Потому и плачу.

— Чего ж здесь плакать? Радоваться надо, — сказал Ёжик.

— Я от радости плачу, — сказал Медвежонок.

— Разве от радости плачут?

— Ещё бы! — И Медвежонок разрыдался.

— Успокойся, что ты! — Ёжик погладил Медвежонка лапой. — Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы.

— Улетать, — всхлипнул Медвежонок. И разревелся ещё пуще.

— Но они прилетят, — сказал Ёжик. —

Они вернутся. Пройдёт зима, снег растает, и они вернутся.

— Зима. — Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал.

— Ну да, зима. Но она пройдёт, и всё будет снова.

— Не хочу! Не хочу, слышишь?

— Чего ты не хочешь?

— Чтобы всё уходило, улетало! — крикнул Медвежонок.

— Это же ненадолго, — сказал Ёжик. — Ты же сам знаешь. А как красиво зимой!

— Зимой я тоже буду плакать.

— Зимой? Да почему?

— Мне будет её жалко. — И Медвежонок уже так расплакался, что Ёжик понял: словами здесь не поможешь.

— Бежим! — крикнул он.

— Куда? — поднял зарёванные глаза Медвежонок.

— Бежим, говорю! — И Ёжик схватил Медвежонка за лапу и потащил в лес.

— Куда ты меня тащишь?!

Они пробежали мимо старой сломанной берёзы, перешли по сгнившему мостку ручей, перелезли через срубленную осину и, петляя между горелых пней, поднялись в гору.

— Смотри! — сказал Ёжик и показал Медвежонку гриб-лисичку.

Маленький золотой гриб, поджав коленки, в сумерках сидел во мху.

— Видишь? — сказал Ёжик. — У него нет ни папы, ни мамы, ни Ёжика, ни Медвежонка, он совсем один — и не плачет.

*Не смотри
на меня так,
Ёжик*

— Я обязательно, ты слышишь? Я обязательно,—
сказал Медвежонок.

Ёжик кивнул.

— Я обязательно приду к тебе, что бы ни
случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ёжик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю,— сказал Ёжик.

Ёжик провалился в волчью яму и просидел там
неделю. Его случайно нашла Белка: она пробегала
мимо и услышала слабый Ёжикин голос.

Медвежонок неделю искал Ёжика по лесу, сбился
с ног и, когда к нему прибежала Белка,
вытащил Ёжика из ямы и принёс домой.

Ёжик лежал, по самый нос укрытый одеялом,
и глядел на Медвежонка тихими глазами.

— Не смотри на меня так,— сказал Медвежонок.—
Не могу, когда на меня так смотрят.

Ёжик закрыл глаза.

— Ну вот, теперь ты как будто умер.

Ёжик открыл глаза.

— Улыбнись,— сказал Медвежонок.

Ёжик попробовал, но у него слабо получилось.

— Сейчас я тебя буду поить бульоном,— сказал
Медвежонок.— Белка принесла свежих грибков,
я сварил бульон.

Он налил бульон в чашку и приподнял Ёжику
голову.

- Нет, не так,— сказал Медвежонок.— Ты садись.
- Не могу,— сказал Ёжик.
- Я тебя подушкой подопру. Вот так.
- Мне тяжело,— сказал Ёжик.
- Терпи.

Медвежонок прислонил Ёжика спиной к стене и подоткнул подушку.

- Мне холодно,— сказал Ёжик.
- Сейчас-сейчас.— Медвежонок взобрался на чердак и обложил Ёжика тулупом.— Как ты не замёрз? Ночи-то какие холодные! — приговаривал Медвежонок.

- Я прыгал,— сказал Ёжик.
- Семь дней?
- Я ночью прыгал.
- Что ж ты ел?
- Ничего,— сказал Ёжик.— Ты мне дашь бульону?
- Ах, да! Пей,— сказал Медвежонок.

Ёжик сделал несколько глотков и закрыл глаза.

- Пей-пей!
- Устал,— сказал Ёжик.
- Нет, пей! — И Медвежонок стал поить Ёжика с ложечки.
- Не могу больше.
- За меня!

Ёжик хлебнул.

- За Белочку!

Ёжик выпил.

- За Зайца! Он знаешь как помогал!
- Погоди,— сказал Ёжик.— Передохну.
- Выпей за Зайца, он старался.

Ёжик глотнул.

- За Хомячка!
- А Хомячок что сделал?
- Ничего. Каждый день прибегал и спрашивал.

- Пусть подождёт. Сил нет,— сказал Ёжик.
- Иногда и утром прибегал,— сказал Медвежонок.— Съешь ложечку.
- Ёжик проглотил.
- А теперь — за Филина!
- Филин-то при чём?
- Как? Нет, за Филина ты выпьешь три ложки.
- Да почему?
- Да я на нём три ночи летал. Тебя искали.
- На Филине?
- Ну да!
- Врёшь,— сказал Ёжик.
- Чтоб мне с места не сойти!
- Да как ты на него взобрался?
- Он знаешь какой крепкий? Сел на шею и полетел. Ты бы видел, как Заяц нас испугался.
- Как?
- Вот выпей — скажу.
- Ёжик выпил подряд три ложки и снова закрыл глаза.
- Как? — спросил он.
- Что?
- Как Заяц вас испугался?
- А! Заяц? Представляешь? Я лечу. А тут — он. Давай ещё ложечку. Слышишь, как пахнет? Ух!
- Ёжик выпил.
- Ну вот. Сидит, ушами вертит. Тут мы.
- С Филином?
- Ага. Он ка-ак подскочит, ка-ак побежит! Филин чуть на дерево не налетел. Давай за Филина.
- Нет. Уже совсем не могу,— сказал Ёжик.— Давай я лягу.
- Медвежонок уложил Ёжика на прежнее место и укрыл тулупом.

— Ну как,— спросил Медвежонок,— тепло?
— Угу,— сказал Ёжик.— А про Филина придумал?
Говори.
— Да что ты? Вот выздоровеешь, вместе полетаем.
— Полетаем,— еле слышно пробормотал Ёжик,
засыпая.

А уже зима

Холодно, звонко стало в лесу. И так светло и далеко видно, что, если бы не гора, Ёжик из своего дома мог бы увидеть дом Медвежонка.

— Ау! — крикнул Ёжик, выйдя звонким холодным утром на крыльцо.

— Ау! — крикнул Медвежонок со своего крыльца. Они не видели друг друга, но, проснувшись, одновременно подумали: «И он там, за горой, наверное, проснулся и вышел на крыльцо».

Ёжик прислушался. Было тихо.

Медвежонок даже повернул ухо в сторону Ёжикиного дома.

— Всё-таки далеко, — пробормотал Медвежонок. И побежал к Ёжику.

— Я тебе кричал! — ещё издали крикнул Медвежонок.

— И я, — сказал Ёжик.

— И что?

— Не слышно. Гора мешает, — сказал Медвежонок. — Гора не пускает наши голоса.

— Давай сдвинем.

— Ха-ха-ха! — сказал Медвежонок. — Скажешь тоже!

— У кого будем завтракать? — спросил Ёжик.

— Давай у меня.

— А что у тебя на завтрак?

— Чай, мёд, для тебя — гриб.

— А какой гриб?

— Маслёнок, — сказал Медвежонок.

— Маринованный?

— Что ты! Я его только вчера нашёл.

— Так он же замёрз!

— Ну и что? Чем плохо — крепкий замёрзший гриб?

— Крепких замёрзших грибов я ещё зимой наемся.

— Где же ты возьмёшь зимой свежезамёрзший гриб?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— Ну, скажи!

— На горё,— сказал Ёжик.— Снегу мало. Они замерзают и уже до весны свежезамороженные.

— И что ты с ними делаешь?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— Ем,— сказал Ёжик.

Медвежонок расхохотался.

— Ладно, идём ко мне,— сказал он.— Я дам тебе белый сушёный.

— А ещё что?

— Мёду.

— А ещё?

— Ну, варенья твоего любимого, малинового.

— Пойдём,— сказал Ёжик.

И они зашагали к дому Медвежонка, шурша подмёрзшей травой, хрумтя пальми листьями и тонким ледком на лужах.

— Светло и просторно,— сказал Медвежонок.— Замечательно! Снегу нет, а уже зима.

Снег пошёл

— Ну вот,— сказал Ёжик.— Вот и дождались.
Снег пошёл.

Весь лес был в снегу, а снег всё падал и падал, и, казалось, никогда уже не будет ему конца. Было так красиво, что Ёжик с Медвежонком вертели головами во все стороны и не могли наглядеться.

Они стояли на опушке посреди сказочного леса, как два маленьких деревца, полузанесённых снегом.

«Я — ёлка,— подумал о себе Ёжик.— А Медвежонок — кто?»

Особенно были красивы в этом белом лесу полуобледевшие огненные осинки и золотые клёны. Просто немыслимо было их видеть среди чёрных стволов деревьев.

— Так и будут гореть до весны,— сказал Ёжик.

— Облетят.

— Как же они облетят? Зима!

— Почекнеют,— сказал Медвежонок.

Ёжику не хотелось спорить. Ему хотелось только смотреть, и смотреть, и, вытянув лапу, слышать, как на ней мягко садятся снежинки.

— Снежинка-снежинка, откуда ты прилетела? — спросил Ёжик у снежинки, которая легко опустилась ему на лапу.

— Откуда? — спросил Медвежонок.
Но снежинка растаяла.

— От них толку не добьёшься,— сказал Медвежонок.— Ясно откуда — с неба.

А снег всё падал и падал; вот он уже стеной отгородил от Ёжика с Медвежонком лес, а Ёжик с Медвежонком всё стояли в этом густом снегу, и никуда им не хотелось идти.

— Смотри не потеряйся,— сказал Медвежонок.— Ты меня видишь?

— Ага.

— Не «ага», а отвечай: вижу! Размечтаешься, ищи тебя потом.— И Медвежонок взял Ёжика за лапу.— Отвечай за тебя,— ворчал Медвежонок.— Никто не падает в волчьи ямы, один ты...

— Погоди,— сказал Ёжик.

Снег стал редеть, небо — чуть посветлело, и от этого красота сделалась такой невозможной, что Медвежонок сказал:

— Может, побегаем, а?

— Жалко топтать,— сказал Ёжик.

— Потопчем, а?

И они, хохоча и крича, наперегонки помчались по огромной поляне, оставляя маленькие следы. А снег всё летел и летел. И когда Ёжик с Медвежонком, набегавши, ушли в дом Медвежонка, на поляне совсем скоро не осталось ни одного следа.

*Как Ёжик
с Медвежонком
приснились
Зайцу*

По первому снегу Заяц прибежал к Медвежонку.

— Медвежонок, ты лучший из всех, кого я знаю,—
сказал Заяц.

— А Ёжик?

— Ёжик тоже хороший, но ты — лучше всех!

— Да что с тобой, Заяц? Ты сядь, успокойся.

Чего ты прыгаешь?

— Я сегодня проснулся и понял,— сказал Заяц,—
что лучше тебя нет на свете.

Вошёл Ёжик.

— Здравствуй, Медвежонок! — сказал он.—
Здравствуй, Заяц! Вы чего сидите в доме —
на улице снег!

— Я собрался идти к тебе,— сказал
Медвежонок.— А тут прибежал он и говорит, что
я лучше всех.

— Верно,— сказал Ёжик.— А ты разве не знал?

— Правда, он самый лучший? — сказал Заяц.

— Ещё бы! — Ёжик улыбнулся Медвежонку и сел
за стол.— Давайте чай пить!

Стали пить чай.

— Вот слушайте, что мне сегодня приснилось,—
сказал Заяц.— Будто я остался совсем один в лесу.
Будто никого-никого нет — ни птиц, ни белок,
ни зайцев,— никого. «Что же я теперь буду
делать?» — подумал я во сне. И пошёл по лесу.
А лес — весь в снегу и — никого-никого. Я туда,

я сюда, три раза весь лес обежал, ну, ни души, представляете?

— Страшно,— сказал Ёжик.

— Ага,— сказал Медвежонок.

— И даже следов нет,— сказал Заяц.— А на небе — вата.

— Как — вата? — спросил Ёжик.

— А так — ватное, толстое небо. И глухо. Будто под одеялом.

— Откуда ты знаешь, что глухо? — спросил Медвежонок.

— А я кричал. Крикну и прислушаюсь... Глухо.

— Ну! Ну! — сказал Ёжик.

— И тут... И тут...

— Что?

— И тут... Представляете? Из-под старого пня, что на опушке...

— За холмом?

— Нет, у реки. Из-под старого пня, что на опушке у реки, вылез...

— Ну же! — сказал Медвежонок.

— Ты,— сказал Заяц.— Медвежонок!

— Что ж я там делал, под пнём?

— Ты лучше спроси, что ты сделал, когда вылез?

— А что я сделал?

— Ты вылез и так тихонько-тихонько сказал: «Не горюй, Заяц, все мы — одни». Подошёл ко мне, обнял и ткнулся лбом в мой лоб... И так мне сделалось хорошо, что я — заплакал.

— А я? — спросил Медвежонок.

— И ты,— сказал Заяц.— Стоим и плачем.

— А я? — спросил Ёжик.

— А тебя не было,— сказал Заяц.— Больше никого не было. Представляешь? — Заяц обернулся

к Медвежонку.— Пустой лес, ватное небо, ни-ко-го, а мы стоим и плачем.

— Так не бывает,— сказал Ёжик.— Я обязательно должен был появиться.

— Так это же во сне,— сказал Медвежонок.

— Всё равно. Просто вы плакали и не заметили, как я вышел из-за куста. Вышел, стою, вижу — вы плачете; ну, думаю, плачут, есть, значит, причина, и не стал мешать.

— Не было тебя,— сказал Заяц.

— Нет, был.

— Не было!

— А я говорю — был! — сказал Ёжик.— Просто я не хотел мешать вам плакать.

— Конечно, был,— сказал Медвежонок.— Я его видел краем глаза.

— А что же мне не сказал? —

сказал Заяц.

— А видел, ты потерянный. Сперва, думаю, успокою, а уж потом скажу. И потом — чего говорить-то? Ёжик, он ведь всегда со мной.

— А по-моему, мы всё-таки были одни,— сказал Заяц.

— Тебе показалось,— сказал Ёжик.

— Примерещилось,— сказал Медвежонок.

— А если так, что у меня с собой было?

— А у тебя с собой что-нибудь было?

— Ага.

— Мешочек,— сказал Ёжик.

— С морковкой,— сказал Медвежонок.

— Правильно! — сказал Заяц.— Вы знаете, кто вы для меня? Вы для меня самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле!

Ворон

Посыпал мелкий снежок, потом прекратился, лишь ветер слабо раскачивал верхушки деревьев.

Трава, неопавшие листья, ветви — всё поблёкло, посветлело от холода.

Но лес стоял ещё большой, красивый, только пустой и печальный.

Ворон сидел на суху и думал свою старинную думу.

«Опять зима,— думал Ворон.— Опять снегом всё заметёт, завьюжит; ёлки заиндеют; ветки берёз станут хрупкими от мороза. Вспыхнет солнце, но ненадолго, неярко, и в ранних зимних сумерках будем летать только мы, вороны.

Летать и каркать».

Надвинулись сумерки.

«Полетаю»,— подумал Ворон. И неожиданно легко соскользнул с насиженного места.

Он летел почти не двигая крыльями, чуть заметным движением плеча выбирая дорогу между деревьев.

«Никого,— вздыхал Ворон.— Куда они все попрятались?»

И действительно, лес был пуст и сир.

— Сер-р-р! — вслух сказал Ворон.

Он опустился на старый пень посреди поляны и медленно повернул голову с синими глазами.

— Ворона,— сказал Ёжику Медвежонок.

— Где?

— Вон на пне.

Они сидели под большой ёлкой и глядели, как лес заливают серые сумерки.

— Пойдём с ней поразговариваем,—
сказал Ёжик.

— А что ты ей скажешь?

— А ничего. Позову чай пить. Скажу: «Скоро стемнеет. Пойдёмте, Ворона, чай пить».

— Идём,— сказал Медвежонок.

Они вылезли из-под ёлки и подошли к Ворону.

— Скоро стемнеет,— сказал Ёжик.—
Ворона, идёмте чай пить.

— Я Вор-р-рон,— медленно, хрипло сказал Ворон.— Я чая не пью.

— А у нас — малиновое варенье,— сказал Медвежонок.

— И грибки!

Ворон смотрел на Ёжика с Медвежонком старинными, каменными глазами и думал: «Э-хэ-хэх!..»

— Я чая не пью,— сказал он.

— Мёдом угощу,— сказал Медвежонок.

— А у нас и брусника, и клюковка,—
сказал Ёжик.

Ворон ничего не сказал.

Он тяжело взмахнул крыльями и поплыл над поляной.

В густых сумерках с распростёртыми крыльями он казался таким огромным, что Ёжик с Медвежонком даже присели.

— Вот это птица! — сказал Медвежонок.—
Будет она с тобой чай пить!

— Это он, Ворон,— сказал Ёжик.

— Всё равно птица. «Позовём, позовём!» —
передразнил он Ёжика.— Позвали.

— Ну и что? — сказал Ёжик. — Он привыкнет.
Представляешь, всё один и один. А в следующий раз — обязательно согласится...

Уже почти в темноте Ворон летел над полем, видел какие-то далёкие огоньки и почти ни о чём не думал, только широко и сильно подымал и опускал крылья.

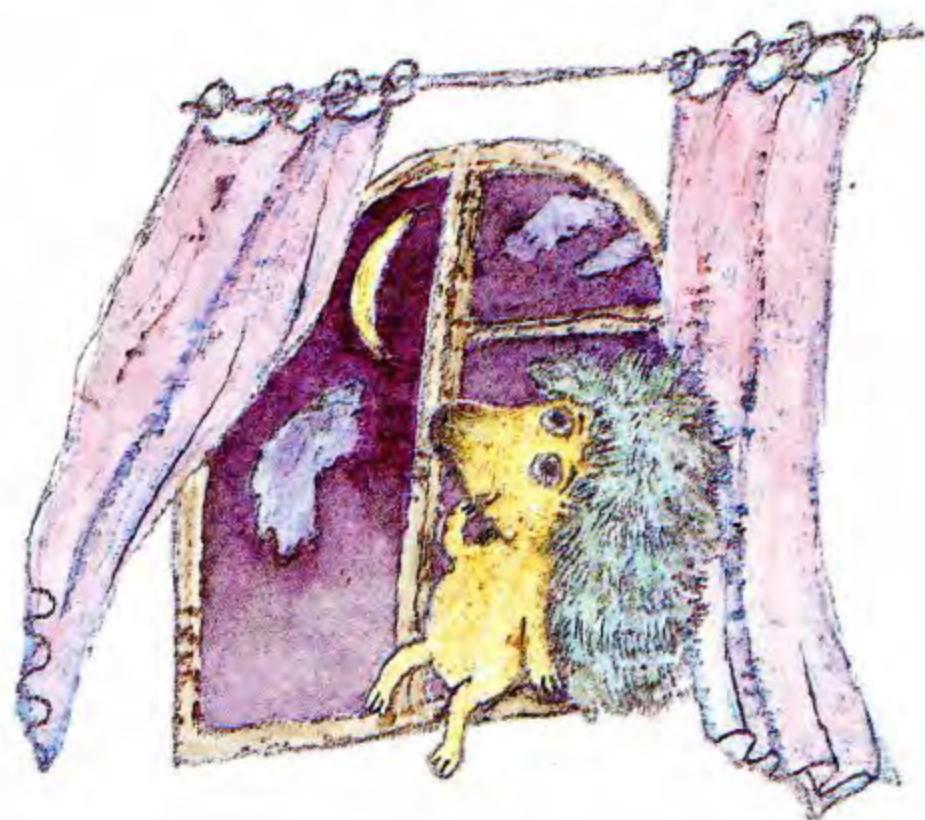
Волк

Высыпал снег. Поднялось солнце. Лес сиял.
А потом вдруг хлынул такой дождь, что смыл весь снег, и будто не было ни мороза, ни солнца, ни зимы. Потом на лес, на гору налетел ветер.
Он раскачивал высокие сосны, будто это были не сосны, качающиеся меж облаками, а тонкие прутики.
Такого ветра Ёжик с Медвежонком не помнили.
На светлом небе дымом летели облака, а ветер всё дул и дул, и за полчаса высушил весь лес.
Ёжик с Медвежонком сидели по своим домам.
Заяц забился в зимнюю нору под летним домом.
Белка спряталась в самый дальний угол дупла.
А Хомячок завалил дверь сундуком, табуреткой, шкафом, потому что дверь скрипела, качалась и вот-вот, как ему казалось, слетит с петель и улетит незнамо куда.
Лес стонал, охал, вздрагивал; тонкие осинки звенели; еловые крепкие шишки стучали по земле; а ветер всё дул, не стихая, и к вечеру выдул в лесу длинную узкую тёмную дыру и дудел в ней, как в трубу, на широкой басовой ноте.
У! У! У! — выл лес.
Потихоньку все привыкли к этому вою, и каждый у себя дома стал подбирать мелодию.
— У-у! — пел Медвежонок.
— У-у-у! — за горой, в своём доме, тянул Ёжик.
— У-у, у-у! — пищал Хомячок.

— Уй, уй! — верещал Заяц.
А Белка взяла деревянные ложки и деревянными ложками стала бить в таз.
— Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! — бубнила Белка.
Проспав день, к ночи проснулся Филин.
«Что за Филин прилетел в лес? — проворчал он.—
Вон как ухает!»
Но только высунул клюв, как ветер затолкал его обратно.
— Ух! Ух! Я — Филин! Я — тоже Филин! — заухал в щёлочку Филин.
Но ветер не выпустил его из дома.
А тучи летели, сосны гудели, шишки падали.
Скоро стемнело совсем.
И тонкому молодому месяцу, скользящему меж облаками, лес, наверное, казался огромным седым волком, лежащим под горою и воющим на луну.

*Если меня
совсем
нет*

Ещё совсем немного — и загорятся звёзды, и выплывет месяц и поплыёт, покачиваясь, над тихими осенними полями. Потом месяц заглянет в лес, постоит немного, зацепившись за верхушку самой высокой ёлки, и тут его увидят Ёжик с Медвежонком.

— Гляди, — скажет Ёжик.

— Угу, — скажет Медвежонок.

А месяц подымется ещё выше и зальёт своим холодным, тусклым светом всю землю.

Так было каждый вечер в эту ясную холодную осень. И каждый вечер Ёжик с Медвежонком собирались то у Ёжика, то у Медвежонка и о чём-нибудь говорили.

Вот и сегодня Ёжик сказал Медвежонку:

— Как всё-таки хорошо, что мы друг у друга есть!

Медвежонок кивнул.

— Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

— А ты где?

— А меня нет.

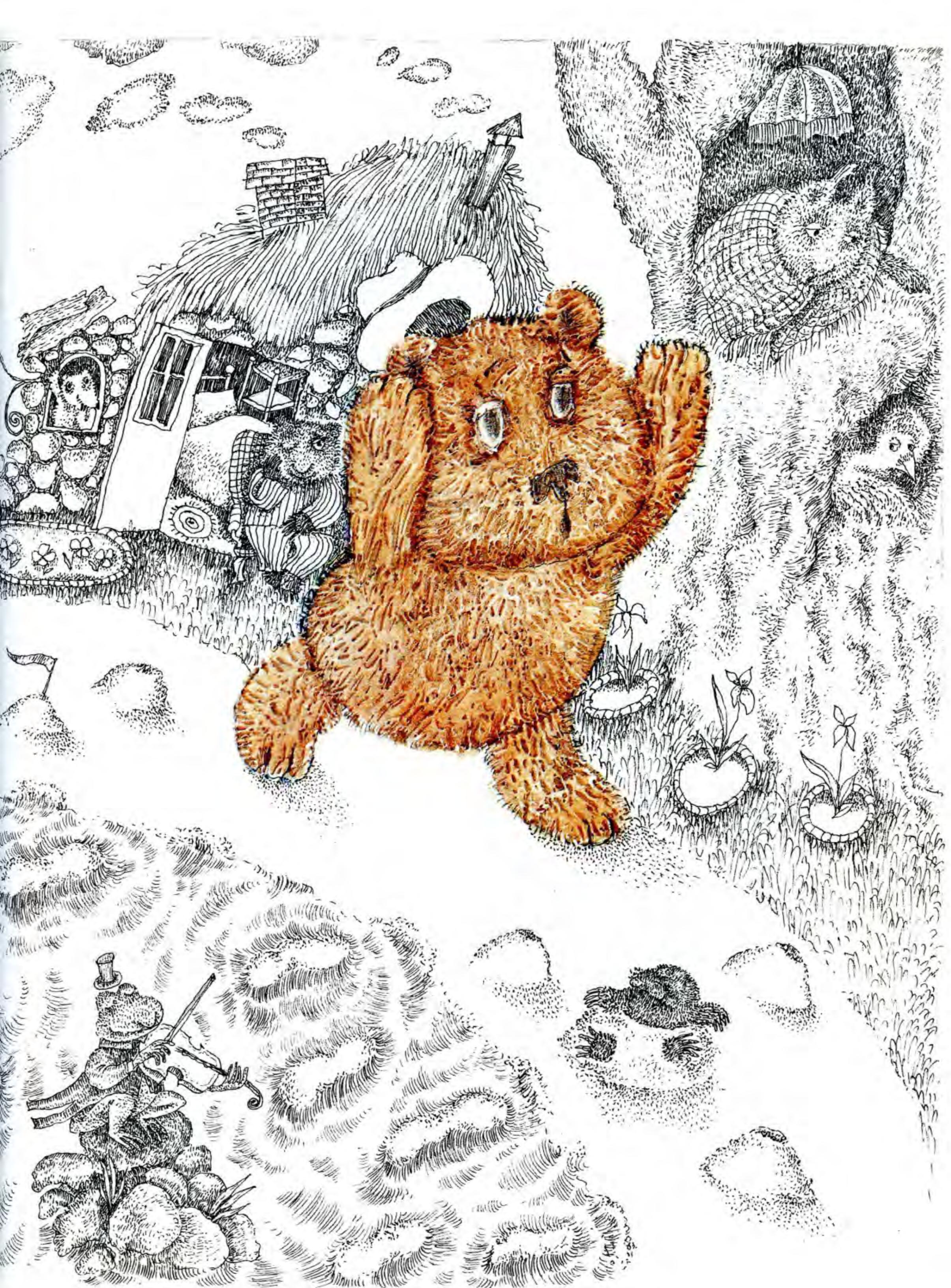
— Так не бывает, — сказал Медвежонок.

— Я тоже так думаю, — сказал Ёжик. —

Но вдруг вот — меня совсем нет. Ты один. Ну что ты будешь делать?

— Пойду к тебе.

- Куда?
- Как — куда? Домой. Приду и скажу:
«Ну что ж ты не пришёл, Ёжик?» А ты скажешь...
- Вот глупый! Что же я скажу, если меня нет?
- Если нет дома, значит, ты пошёл ко мне.
Прибегу домой. А-а, ты здесь! И начну...
- Что?
- Ругать!
- За что?
- Как за что? За то, что не сделал, как
договорились.
- А как договорились?
- Откуда я знаю? Но ты должен быть или у меня,
или у себя дома.
- Но меня же совсем нет. Понимаешь?
- Так вот же ты сидишь!
- Это я сейчас сижу, а если меня не будет
совсем, где я буду?
- Или у меня, или у себя.
- Это, если я есть.
- Ну, да,— сказал Медвежонок.
- А если меня совсем нет?
- Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.
- И на реке нет.
- Тогда ты пошёл куда-нибудь и ещё не вернулся.
Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду.
- Ты всё уже обшарил,— сказал Ёжик.— И не нашёл.
- Побегу в соседний лес!
- И там нет.
- Переверну всё вверх дном, и ты отыщешься!
- Нет меня. Нигде нет.
- Тогда, тогда... Тогда я выбегу в поле,—
сказал Медвежонок.— И закричу: «Ё-е-е-жи-и-и-к!»,
и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!..»
Вот.

— Нет,— сказал Ёжик.— Меня ни капельки нет.
Понимаешь?

— Что ты ко мне пристал? — рассердился
Медвежонок.— Если тебя нет, то и меня нет. Понял?

— Нет, ты — есть; а вот меня — нет.
Медвежонок замолчал и нахмурился.

— Ну, Медвежонок!..

Медвежонок не ответил.

Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над
лесом, льёт на них с Ёжиком свой холодный свет.

*Тёплым
тихим
утром
посреди зимы*

«Бывает же — топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: вот она какая, большая зима! И вдруг просыпаешься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует выюга, но нет, звук не такой, а далёкий какой-то, очень знакомый звук. Что же это? И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо — лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима? Тогда сбегаешь с крыльца и видишь... лужу. Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идёт пар. Что же это? А это ночью прошёл дождь. Большой, сильный дождь. И смыл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим тёплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? — думал Медвежонок. — Топить печку или нет? Щипать на растопку лучинки или не надо? И вообще как это так — опять лето?» И Медвежонок побежал к Ёжику посоветоваться. Ёжик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

— Не понимаю, — бормотал Ёжик, — как это так — ливень посреди зимы?

И тут прибежал Медвежонок.

— Ну что? — ещё издали крикнул он.

— Что-что? Печку затопил? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

- Лучинок нащипал?
- Не-а, — сказал Медвежонок.
- А что же ты делал?
- Думал, — сказал Медвежонок.
- Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ёжикного дома и думать вместе.

- Как ты думаешь, — сказал Ёжик. — Если прошёл дождь и теперь туман, может ещё быть мороз?
- Не думаю, — сказал Медвежонок.
- Значит, если мороз быть не может, значит, может быть только тепло.
- Значит, — сказал Медвежонок.
- А чтобы было тепло — должно появиться солнце.
- Должно, — сказал Медвежонок.
- А когда солнышко, хорошо быть на реке.
- Я бы в жизни не догадался, — сказал Медвежонок.
- Тогда давай возьмём и позавтракаем у реки, — предложил Ёжик.
- Угу, — сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мёд, чайник, чашки и пошли к реке.

- Куда вы это идёте? — спросила Белка.
- К реке, — сказал Ёжик. — Завтракать.
- Возьмите меня с собой!
- Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом. Встретился им Заяц.

- Тепло, хорошо, — сказал Заяц. — Вы куда идёте?
- К реке, — сказала Белка. — Завтракать.
- И я с вами, ага?
- Идём, — сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

- А я уж заснул, — сказал он. — А тут — вода!
- Куда это вы?

— Завтракать, к реке,— сказал Заяц.—
Идём с нами!

— У меня еда с собой,— сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой,—
только чашки нету,— и пошёл следом.

Пришли к реке, развели костёр, сели завтракать.
Выглянуло солнце.

Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей.

Туман растаял.

— Если б не дождь,— щурясь, сказал Хомячок,—
так бы и не увиделись до весны.

— Если б не дождь,— сказала Белка,— уж так бы
не попрощались.

— Если б не Ёжик,— сказал Медвежонок,—
никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать
на реке.

А Ёжик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину,
птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой,
и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось
тепло этому зимнему лесу?

Содержание

Ёжик в тумане 6

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ

Звуки и голоса 11

Когда ты прячешь солнце, мне грустно 13

Разрешите с вами посумерничать 17

Как оттенить тишину 22

В сумерках 27

В родном лесу 32

Сосновая Шишка 37

Осенняя песня травы 41

Радуга 46

Ёжик на горе 51

Птица 55

Красота 60

ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ

Последнее солнце 67

Вольный осенний ветер 69

Мы будем приходить и дышать 73

Лисичка 77

Не смотри на меня так, Ёжик 81

А уже зима 87

Снег пошёл 91

Как Ёжик с Медвежонком приснились Зайцу 95

Ворон 100

Волк 105

Если меня совсем нет 109

Тёплым тихим утром посреди зимы 114

*Литературно-
художественное
издание*

**для
дошкольного
возраста**

*Козлов
Сергей
Григорьевич*

**ЁЖИК
В ТУМАНЕ**

Сказки

Ответственный редактор
Н. М. Мартынова

Художественный редактор
О. К. Кондакова

Технический редактор
В. К. Егорова
Корректор
Л. А. Лазарева

ИБ № 11086

Сдано в набор 19.01.89.
Подписано к печати 09.08.89.
Формат 60×90¹/₈. Бум. офсетная № 1.
Шрифт обыкновенный.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Усл. кр.-отт. 63,0. Уч.-изд. л. 11,34.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1595.
Цена 2 р. 70 к.
Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга»
Госкомиздата РСФСР.
127018, Москва, Сущевский
вал, 49.

Издательство
Детская литература